

Владимир Иванович Даль

Сухая беда

Владимир Иванович Даль

Сухая беда

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22120986

Аннотация

«После скучного зимнего переезда прибыл я в чувашскую деревеньку, где приходилось ночевать. Избушки, казалось, вросли в землю; их так занесло сугробами снега, что проезжие, без малейшего преувеличения, глядели с дороги в крестьянские дворы как с горы в пропасть и легко могли бы вывалиться из саней, через тын или кровлю на такой крестьянский двор. Дым валил из труб тут и там из-под снега, и я невольно припоминал сказочные предания о затопленных деревнях с церквями...»

Владимир Даль

Сухая беда

После скучного зимнего переезда прибыл я в чувашскую деревеньку, где приходилось ночевать. Избушки, казалось, вросли в землю; их так занесло сугробами снега, что проезжие, без малейшего преувеличения, глядели с дороги в крестьянские дворы как с горы в пропасть и легко могли бы вывалиться из саней, через тын или кровлю на такой крестьянский двор. Дым валил из труб тут и там из-под снега, и я невольно припоминал сказочные предания о затопленных деревнях с церквами.

Меня привезли, по указанию, в лучшую избу. Кому случилось гостить у чуваш, тот знает, что такое лучшая чувашская изба: это курная русская избенка, во всех отношениях худшая из дурных. Хозяин хотел мне подать так называемого квасу, пошел его искать под лавкой, достал оттуда деревянную чашку и подал ее мне: я ему указал на плававшую в квасу мертвую мышь; он взглянул, выкинул ее пальцами под лавку, поставил чашку к стороне и пошел, чтобы мне зачерпнуть квасу в другую посудину. «Не трудись, – сказал я ему, – не надо; да скажи, пожалуй, для чего же ты не выплеснешь из чашки этот квас? Нешто ты станешь его пить?» «Ничего, – отвечал он, – слепая отец на печи есть, она выпьет».

Мне хотелось есть и пить, и я, по обыкновению путни-

ков, потребовал молока или яиц. Последние хоть тем хороши, что их нельзя опоганить. Хозяин сказал что-то хозяйке, почесался, подумал и объявил, что молока и яиц нет. Я не хотел верить, чтобы в деревне нельзя было достать того или другого, и потому настаивал, хозяин уверял, что скотина пала еще с осени, а курицы давно перевелись от постоев. После долгих настояний и уговоров он объявил, что у одного только мужика есть дойная корова, прочие все отказались после чумы, но что он сомневается, можно ли будет достать у этого мужика молока, и прибавил, когда уже выходил из избы: «Нам туда нельзя ходить». Хозяйка не могла или не хотела мне объяснить этого выражения, и я поневоле выждал возвращения хозяина с каким-то парнем: его пошли, сказал мне первый. Я дал ему денег и наконец завладел кринкою молока. Наевшись и закулив трубку, я разговорился с хозяином, поподчивал его табаком и, вспомнив слова его, спросил объяснения, почему де вам нельзя туда ходить? Он улыбался, почесывался, молвил что-то хозяйке, которая засмеялась, и на повторенный вопрос мой отвечал только: «Так, что нельзя, мы вишь не друг». Это еще более завлекло мое любопытство, и я не отстал от чувашина, покуда он мне не рассказал, в чем дело.

Есть народы, например китайцы и японцы, у которых самоубийство нипочем; трус по себе, китаец или японец, однако же, будучи по своим понятиям обещан, поруган, считает долгом вспороть себе брюхо. Уверяют даже, что они де-

лают это иногда, вместо поединка, назло друг другу: если обиженный распорет себе живот, объявив при том имя своего обидчика, то этот обязан последовать его примеру: таков обычай, а обычай сильнее закона. Нечто похожее встречается у чуваш, хотя, может быть, не в той мере и не в таком общем распространении.

Чулка, отец того хозяина, у которого взято было теперь молоко, был негодяй и воришка. Попавшись раз на воровстве у Ярмука, у отца моего хозяина, Чулка поплатился зубом, который выбил ему Ярмук пестом¹. Зол был Чулка на это, потому что люди не давали ему проходу, указывая на выбитый резец; но делать нечего: виноватый молчит, и Чулка также молчал. В отместку за зуб свой он решился наказать Ярмука, украв у него лошадь. И тут бог его попутал: он попался с лошадьёю, и поймал его опять сам хозяин, Ярмук, но на сей раз уже не удовольствовался тем, что отмял ему вволю бока, а связал его и представил начальству. Чулка убедительно отпрашивался, клялся, что больше у него воровать не станет, но Ярмук не хотел, видно, вводить его в искушение и требовал расправы. Тогда Чулка поклялся отомстить ему с такой злобой, что и Ярмук испугался было проклятий его и потому скрутил ему руки потуже, дал еще две заушины и тотчас же повез на своей подводе, со старостой или сотским в город.

¹ *Пест* – короткий тяжелый стержень с округлым концом для толчения, дробления чего-нибудь (обычно в ступе).

Дело длилось, по обыкновению, но наконец решено было тем, чтобы наказать Чулка при полиции, отдать его на поруки и оставить под присмотром. Приговор исполнили; но, по беспорядку, позабыли записать исполнение в журнал и донести об этом куда следовало; через месяц, по случаю пересмотра ведомости нерешенным делам, полиции сделано было подтверждение, чтобы наказать арестанта Чулка и оставить его на месте жительства под присмотром. Чулка вытребовали, посекли и отпустили. Проходит еще месяц; полиции насылают грозное приказание исполнить приговор немедленно и донести. Тут уже подавно разбирать было некогда: Чулка в третий раз потянули, выместили на нем выговор этот и неисправность пьяного секретаря или письмоводителя и наконец уже в этот раз донесли об исполнении и пометили дело конченным.

Воротившись домой, Чулка был так зол, что лез на стену; если бы он был не чувашин, то, конечно, посягнул бы на убийство своего заклятого врага, Ярмука; но чувашин этого не сделает, и Чулка распорядился иначе; выждав ночь, он пошел и удавился на воротах Ярмука. Со светом баба сунулась было из избы с ведрами по воду – и ахнула, кинувшись опроретью назад. Хозяин выскочил и стоял столбняком. Он был не японец и потому вовсе не обязывался вспороть себе в честь повешенного соседа брюхо или последовать его примеру и удавиться; но Ярмуку грозила беда другого рода, которая иногда стоит петли и веревки: суд наедет со следстви-

ем и со всеми принадлежностями к нему и неминуемыми последствиями...

С этих пор между семействами Ярмука и Чулка основалась вековечная вражда и ненависть, хотя один из этих родоначальников, как мы слышали, 20 лет назад удавился, а другой волею божиею сам собою скончался. Вражда эта простиралась до того, что никто из семьи Ярмука не ходил в дом Чулка, и обратно, почему хозяин мой и не хотел или не смел идти туда за молоком.

Такой висельник известен у нас в народе под названием сухой беды; и, говорят, поныне еще чувашаи в злобе своей грозят иногда друг другу тем, что сулят на двор сухую беду, т. е. обещают один у другого на дворе удавиться.